

Prjachin, Anatolij Dmitrijevič; Besedin, V. I.

Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории восточной Европы

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. E, Řada archeologicko-klasická. 1992, vol. 41, iss. E37, pp. [51]-60

ISBN 80-210-0602-1

ISSN 0231-7915

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/110139>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

А. Д. ПРЯХИН — В. И. БЕСЕДИН

ЩИТКОВЫЕ (ДИСКОВИДНЫЕ) ПСАЛИИ СО ВСТАВНЫМИ ШИПАМИ С ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Во второй четверти II тысячелетия до н. э. в Евразийской лесостепи и смежных районах степной зоны получают распространение колесницы (ГЕНИНГ 1977; ЧЕРЕДНИЧЕНКО 1976; PIGGOT 1983).

Прямых свидетельств их использования не так уж много. К ним в первую очередь на территории Центральной и Восточной Европы относятся изображения на глиняных сосудах. Назовем два из них. Один сосуд, найденный в могиле культуры Пилинь у с. Велики Рашковцы в Словакии, содержит схематичное изображение четырех запряженных двумя лошадьми колесниц с возничими (VIZDAL 1972). Другой, более раннего времени, происходит из погребения срубной общности у с. Сухая Саратовка близ г. Саратова на Нижней Волге и содержит рисунок колесницы с запряженными животными (ГАЛКИН 1977, 189, рис. 1).

Остальные известные с рассматриваемой территории изображения колесниц крайне схематичны и немногочисленны.

Есть и находки глиняных моделей колес, связанных именно с колесничным транспортом. Имеются ввиду модели колес с прочерченными на них радиальными лучами, имитирующими спицы, достаточно широко распространенными в Дунайском регионе, где их повышенная концентрация отмечается, в частности, в материалах мадяровской и ветержовской культур в Словакии и Моравии (PIGGOT 1983, 92—93). Такого рода модели известны и в Восточной Европе, например на Мосоловском поселении металлургов-литейщиков эпохи бронзы на р. Битют в Подонье (материалы не опубликованы; хранятся в археологическом музее Воронежского университета) и на других памятниках.

Но, пожалуй, наибольшее значение приобретают свидетельства связанные с конской упряжью. Прежде всего это псалии. Наиболее ранний пласт такого рода изделий представлен щитковыми (дисковидными) псалиями с шипами (ОАНСЕА 1976; КУЗЬМИНА 1980; ПРЯХИН-МАТВЕЕВ 1988, 122 — 128). Они подразделяются на изделия, шипы на которых были вставные или монолитные.

В данной статье речь идет о находках псалиев со вставными шипами,

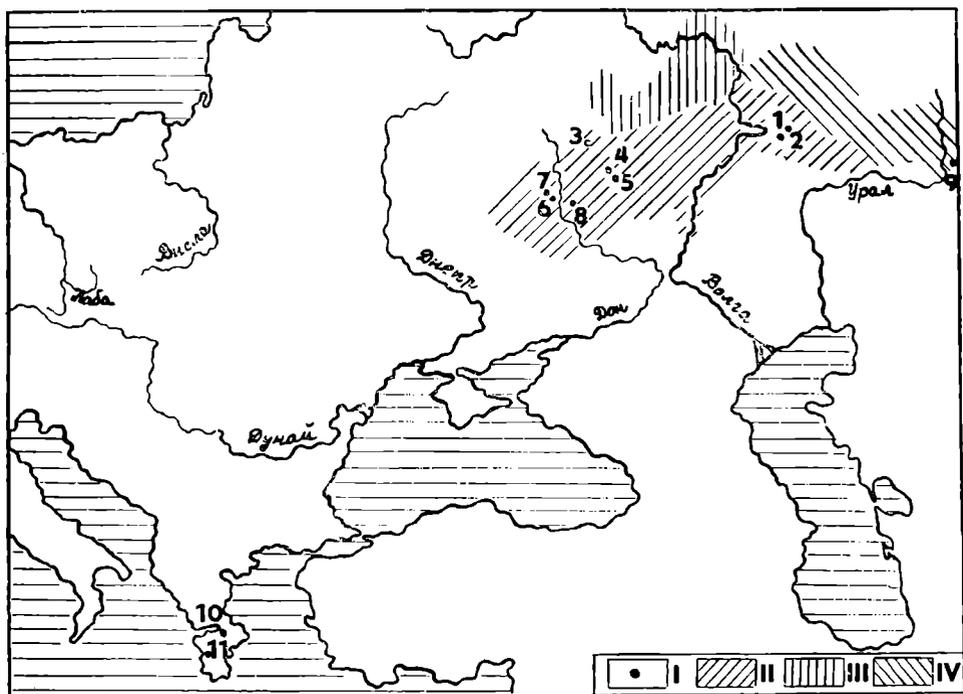

Рис. 1. Карта распространения дисковидных псалиев со вставными шипами
 I — находки псалиев или частей от них, II — территория доно-волжской абашевской культуры, III — территория средневолжской абашевской культуры, IV — территория уральской абашевской культуры
 1 — Красноселка, 2 — Потапово, 3 — Староюрьево, 4 — Пичаево, 5 — Власово, 6 — Кондрашевка, 7 — Богоявленка, 8 — Кондрашкинский, 9 — Синташта, 10 — Микены, 11 — Каковатос.

происходящих с территории Восточной Европы (в статье не анализируются находки такого рода предметов с других территорий — могильник Синташта в Зауралье, где также встречены псалии с монолитными шипами, псалии из Микен и Каковатоса с территории Греции и др.). Обращает внимание, что основная их часть встречена в районах распространения памятников абашевской культурно-исторической общности.

Центральноевропейским читателям известна опубликованная в начале 60-х гг. в Чехословакии статья известного советского археолога П. Н. Третьякова, в которой нашло отражение имевшееся в то время представление об этом уникальном явлении в эпохе бронзы Восточной Европы (ТРЕТЬЯКОВ 1961). Ныне же под абашевскими древностями подразумевается крупная культурно-историческая общность эпохи бронзы, локализующаяся преимущественно в лесостепной зоне доно-волго-уральского региона и включающая в себя три культуры: доно-волжскую абашевскую, средневолжскую абашевскую и уральскую абашевскую (ПРЯХИН 1976; 1977; ПРЯХИН-ХАЛИКОВ 1986). Причем, ключевые позиции в этой общности занимает доно-волжская абашевская культура,

основной район распространения которой — это лесостепное Подонье и смежные районы Поволжья, а хронологические рамки — вторая четверть-середина II тысячелетия до н. э. Именно из комплексов этой культуры как правило происходят дисковидные псалии со вставными шипами (рис. 1). Кратко охарактеризуем эти находки.

Красноселка (Куйбышевская область). Из разрушенного кургана происходит два обломка псалиев со вставными шипами (в публикации они ошибочно приведены как принадлежащие одному экземпляру: МОРГУНОВА-ПОРОХОВА 1988, рис. 1). Оба они однотипны. Корпус псалиев скорее всего имел форму усеченного диска, к которому примыкала узкая планка. На корпусе располагалось большое центральное отверстие и, надо думать, три отверстия для крепления вставных шипов. На планке было несколько небольших отверстий (рис. 2:1). Оба псалия орнаментированы. По периметру внешней поверхности щитка гравировкой нанесены соединяющиеся вершинами ромбы с точкой внутри. Под планкой ниже них нанесены соединяющиеся вершинами ромбы с точкой внутри. Под планкой ниже них нанесена двойная волнистая линия. Орнамент есть и вокруг центрального отверстия, где он образует лучеобразные выступы.

Потапово (Куйбышевская область). В могильнике найдены псалии как со вставными так и монокорпусными шипами. Псалии со вставными шипами конструктивно напоминают красноселские. Большая их часть орнаментирована (материалы не опубликованы; хранятся в кабинете археологии Куйбышевского педагогического института).

Староурьево (Тамбовская область). Найдены два псалия, составлявших видимо пару (ПРЯХИН 1972). Один сохранился полностью (рис. 2:2), другой частично. Сохранившийся целиком псалий имеет дисковидный щиток, к которому примыкает узкая планка. Кроме находившегося в центре щитка основного отверстия, в диске имеются и четыре отверстия для вставных шипов, обрамленные с внутренней стороны утолщениями-втулками. У края диска с боковой стороны — утолщение с продольным отверстием. Небольшие круглые отверстия со следами сработанности есть и на планке.

Внешняя поверхность щитка псалия украшена орнаментом. По краям диск украшен двумя круговыми линиями, одна из которых — резной зигзаг, а вторая — линия врезных треугольников к вершинам которых примыкают точечные вдавления. Вокруг центрального отверстия гравировкой нанесены обрамленные точечными вдавлениями волнистые линии, образующие так называемый каплевидный рисунок. Врезными линиями, образующими кресты с точечными вдавлениями внутри, орнаментированы торцы шипов.

В орнаментации сохранившегося частично псалия есть некоторые отличия: вдавления по краю образуют равносторонние треугольники, отсутствует точечное обрамление прочерченной линии центральной композиции, внутри которой к тому же помещены небольшие круги с точками внутри.

Пичаево (Тамбовская область). Исследовано подкурганное захоронение, в котором вместе с другим инвентарем встречены и щитковые псалии, два из которых — удовлетворительной сохранности (рис. 2:3 — 4; МОИСЕЕВ 1990). Первый из них имеет корпус в виде усеченного диска, к которому примыкает узкая планка с небольшими отверстиями. На щитке располагалось центральное отверстие для удил и три других, в которых закреплены вставные шипы. В боковой плоскости щитка также имелось частично нарушенное продольное отверстие.

Щиток псалия и торцы шипов орнаментированы. По краю щитка нанесены две круговые линии, одна из которых образована резными соединяющимися вершинами ромбами, а вторая — резным зигзагом. Под планкой вместо зигзага гравировкой нанесен узор в виде двухлопастных фигур. Аналогичный орнамент обрамляет и центральное отверстие. Торцы шипов также украшены врезными линиями, образующими крестовидные фигуры.

Второй псалий, уже сохранившийся, конструктивно близок первому, но в отличие от него имел скорее всего четыре вставных шипа и лишен орнаментации. Четко про-

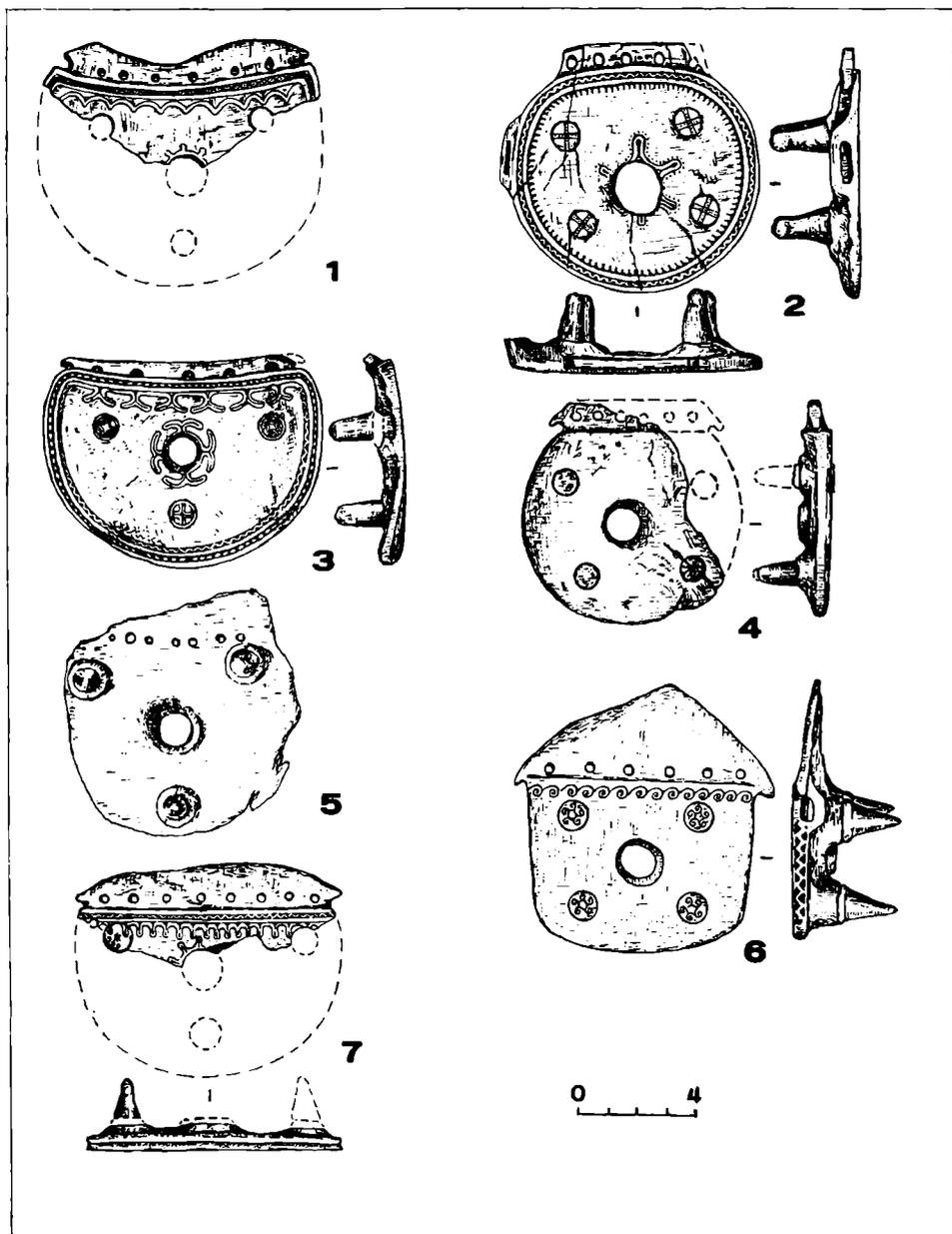

Рис. 2. Дисковидные псаллии со вставными шипами с территории Восточной Европы
 1 — Красноселка; 2 — Староюрьево, курган 2, погребение; 3, 4 — Пичаево, курган, погребение 1; 5 — Кондрашевка, курган 1, погребение 5; 6 — Богоявленка, курган, погребение 3; 7 — Кондрашкинский курган, погребение 1.

слеживаются следы его ремонта: лопнувший щиток скреплен бронзовой скрепкой.

Власово (Воронежская область). В одном из погребений кургана 16 вместе с другим инвентарем найден и вставной шип от щиткового псалия (ВИННИКОВ-СИ-НЮК 1990, 132 — 133, рис. 28).

Кондрашевка (Воронежская область). В одном из погребений кургана 1 обнаружены два псалия, один из которых имел только вставные шипы (рис. 2:5), а на другом наряду со вставными был и один монолитный (ПРЯХИН-МАТВЕЕВ 1988, 125 — 126). Следов орнаментации на внешней поверхности не обнаружено. Причем трудно сказать, отсутствовала ли она вообще или была утрачена из-за плохой сохранности.

Богоявленка (Воронежская область). В погребении единственного раскопанного там кургана встречены один целый (рис. 2:6) и части от второго псалия со вставными шипами (ПРЯХИН-МАТВЕЕВ 1988, 125). Сохранившийся полностью псалий имеет прямоугольный щиток. В центре его большое, довольно сильно сработанное отверстие, а ближе к углам размещены четыре вставных шипа. Все отверстия с внутренней стороны окружены выпуклыми втулками. К щитку примыкает монолитная треугольная планка с шестью небольшими отверстиями. На боковой поверхности щитка есть выступ с продольным отверстием.

Внешняя и боковая поверхности псалия орнаментированы. Под планкой размещены в ряд завитки спирали, образующие так называемую „бегущую“ спираль. Также украшены и торцы шипов. Боковые же грани орнаментированы врезным зигзагом.

От другого, скорее всего деревянного псалия, сохранились костяная втулка для центрального отверстия и два шипа.

Кондрашкинский курган (Воронежская область). В погребении 1 этого кургана встречен фрагмент дисковидного псалия и вставной шип от него (рис. 2:7; ПРЯХИН-БЕСЕДИН-ЛЕВЫХ-МАТВЕЕВ 1989, 4 — 8). Псалий имел корпус в форме усеченного диска, к которому примыкала узкая планка. Основное, имевшее следы сработанности отверстие находилось в центре щитка. Еще два отверстия меньшего диаметра на сохранившейся части псалия предназначались для крепления шипов. У края щитка ближе к планке находилось дополнительное маленькое отверстие.

Псалий орнаментирован. Вдоль планки он украшен прорезным зигзагом, ниже которого нанесен каплевидный узор. Аналогичный узор есть и вокруг центрального отверстия. На торце шипа располагались завитки спирали, окружавшие находившуюся в центре окружность с шестью лучиками и точкой внутри.

Поскольку по набору инвентаря это одно из самых ярких и богатых захоронений эпохи средней бронзы в лесостепной полосе Восточной Европы, есть смысл привести комплекс найденных в захоронении предметов (рис. 3). Вместе с псалием в погребении были найдены бронзовый проушной топор, наконечник копья с кованой разомкнутой втулкой, нож, тесло, глиняный абашевской сосуд и бронзовые скрепки еще от одною, деревянного сосуда, а также костяная пряжка и тлен от обложенного бронзовой пластинкой деревянного предмета сегментовидной формы (скорее всего жезла). Здесь же зафиксированы остатки лука и двадцать пять кремневых наконечников стрел. Речь в данном случае, надо думать, идет о захоронении имевшего высокий социальный статус воина-колесничего.

Все перечисленные находки псалиев принадлежат достаточно крупным изделиям, которые как правило по размерам превосходят псалии с монолитными шипами.

Создается впечатление, что большинство из них являлось своего рода парадными экземплярами. Их изготовление требовало высокого мастерства и больших затрат времени, что обусловило неоднократно зафиксированное стремление продлить их жизнь, включая и возможность замены шипов в случае поломки или стирания.

На псалиях в центре щитка имеется одно большое отверстие для пропуска мягких удил, что отличает рассматриваемые экземпляры от нахо-

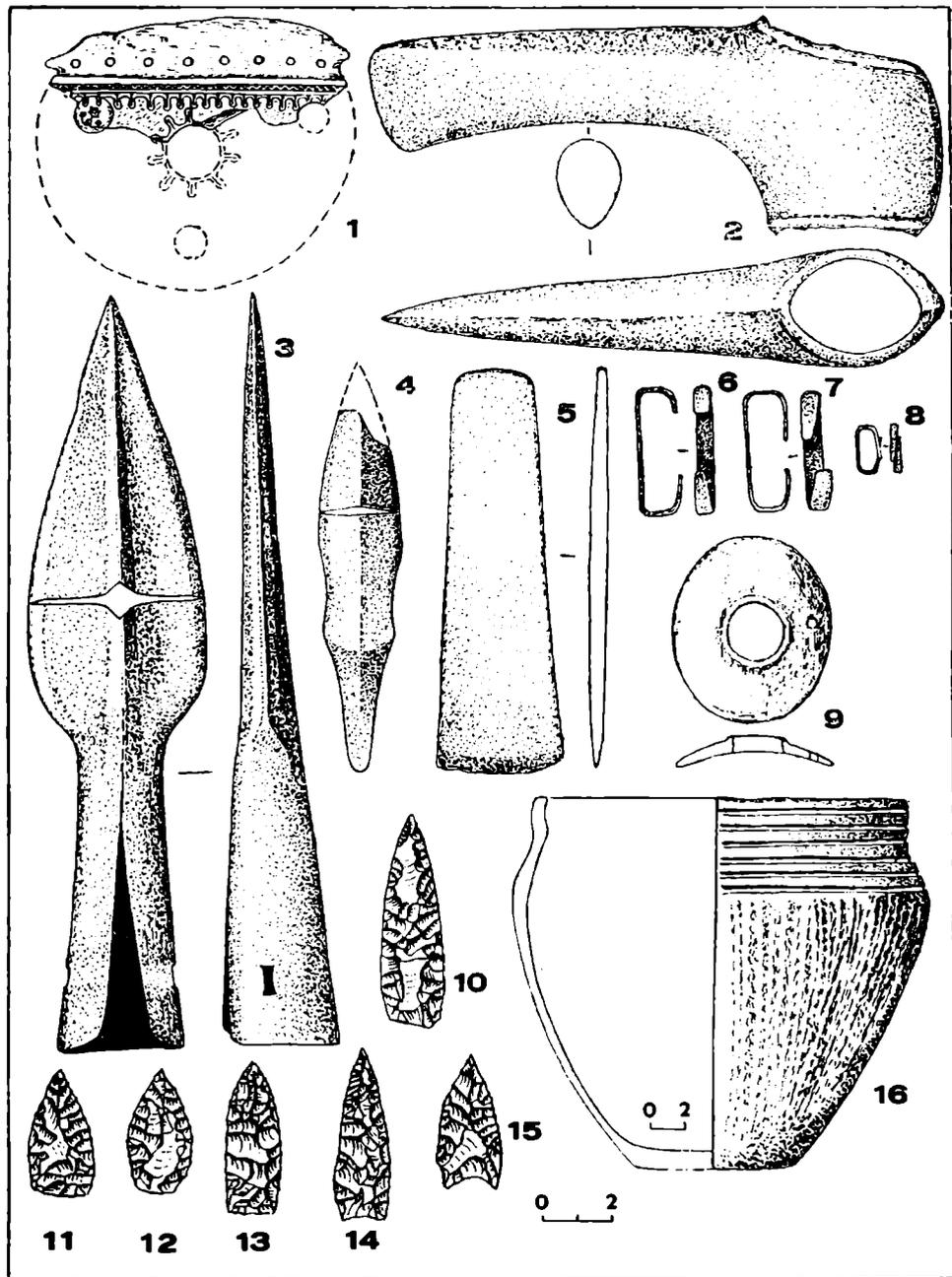

Рис. 3. Комплекс находок из погребения 1 Кондрашкинского кургана.

док из Греции (Каковатос и др.), где таких отверстий два (OANCEA 1976, 64 — 65).

Характерной чертой псалиев со вставными шипами является наличие примыкающей к щитку планки с расположенными в ряд несколькими малыми отверстиями, предназначенными для крепления наносного ремня.

Весьма своеобразен способ крепления нашечного ремня. Для этой цели служило продольное отверстие в боковой плоскости щитка, имеющееся по крайней мере на трех из описанных псалиев и отсутствующее на других типах дисковидных шипастых псалиев с территории Европы. В ряде случаев нашечный ремень имел иной способ крепления, для чего предназначалось небольшое, расположенное у края щитка, поперечное отверстие (Кондрашкинский и др.). Но такой способ крепления более характерен для псалиев с монолитными шипами.

По форме псалии со вставными шипами делятся на две группы. Одну группу образуют изделия имеющие три шипа и усеченно-дисковидный щиток (см. рис. 2:1, 3, 5, 7). Другую группу составляют четырехшипные псалии, щиток которых обычно имел форму полного диска (рис. 2:2, 4, 6).

Что же касается способов крепления шипов в щитке на псалиях, происходящих из комплексов доно-волжской абашевской культуры, то они весьма разнообразны. Но все они имели целью не допустить выпадания шипов, что достигалось путем нарезки на вставлявшихся в щиток штифтах различного рода уступов и желобков.

Яркой особенностью рассматриваемых псалиев является наличие на внешней, а иногда и на боковой поверхности щитка резного орнамента. Примечательно, что на других типах происходящих с территории Восточной Европы дисковидных шипастых псалиев орнаментация отсутствует. В украшении почти всех изделий присутствует зигзаг. Нередко он обрамлен равносторонними или удлинненными треугольниками как бы образующими бахрому. Достаточно распространен каплевидный узор, отмечена и его вариация в виде раздвоенных лопастей, напоминающая меандр (Пичаево). Зафиксирована и так называемая „бегущая“ спираль, а также волнообразный узор и соединяющиеся вершинами ромбы.

Наличие у рассмотренных псалиев целого ряда общих признаков, отличающих их к тому же от других типов, позволяет в принципе поставить вопрос об особенностях различных типов псалиев применительно к крупным культурно-историческим образованиям эпохи бронзы. Так, совершенно не случайно, что все приведенные находки происходят из комплексов доно-волжской абашевской культуры.

Особо следует сказать о хронологии дисковидных псалиев со вставными шипами. Начнем с того, что эти изделия не могут быть признаны более поздними по сравнению с дисковидными псалиями с монолитными шипами, в том числе и с их наиболее простой формой (КУЗЬМИНА 1980, 13 — 15). Этому противоречит тот факт, что в ряде случаев вставные и монолитные шипы есть на одном и том же изделии (Кондрашевка и др.), а в других — в одном и том же захоронении одновременно находились псалии и с монолитными и со вставными шипами. Не случайно

и то, что из погребений, в которых есть щитковые дисковидные псалии только с монолитными или только со вставными шипами довольно часто происходят однотипные вещи. Все сказанное позволяет говорить, что обе категории изделий в значительной степени синхронны.

Для определения абсолютной даты этих изделий важнейшее значение имеет их сопоставление с псалиями из IV шахтовой гробницы в Микенах. При этом надо иметь в виду, что до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о хронологическом приоритете микенских или же восточноевропейских находок (ЛЕСКОВ 1964). Конечно же при его решении следует учитывать то обстоятельство, что колесницы, а тем самым и псалии как часть конской упряжи, вряд ли могли появиться в гористой Греции, не имевшей к тому же развитых традиций коневодства, раньше чем в степных и лесостепных пространствах Евразии.

В этой связи безусловный интерес представляет проблема так называемых микенских влияний в орнаментах эпохи бронзы Восточной Европы. В последнее время все чаще высказывается точка зрения, что такие проявления возникают в Восточной Европе едва ли не раньше, чем в Микенах (ЧЕРЕДНИЧЕНКО 1977; ОТРОЩЕНКО 1986). Но пока лишь в самом общем виде ставился вопрос о том, насколько правомерно вообще сопоставлять орнаментацию восточноевропейских находок с микенской. Не претендуя на решение проблемы в целом, мы сопоставили лишь орнаментацию восточноевропейских псалиев и костяных изделий, связанных с конской упряжью и средствами управления лошастью, происходящих из комплексов доно-волжской абашевской культуры и в значительной степени наследующей ей срубной культурно-исторической общности с орнаментальными мотивами на псалиях из IV шахтовой гробницы Микен, как впрочем и с распространенными в микенский период орнаментами в целом (рис. 4). Обнаруживается, что при всем многообразии микенских орнаментов лишь единичные в какой-то степени совпадают с восточноевропейскими. Причем почти все они отличаются простотой или широким хронологическим а территориальным распространением. Тем самым, вполне возможно их самостоятельное возникновение на разных территориях. Как собственно микенское проявление можно было бы рассматривать орнамент в виде „бегущей“ спирали. Но этот мотив был известен еще раньше на Древнем Востоке.

Другие же элементы орнамента (зигзаг, бахрома, каплевидный узор и т. д.) характерны именно для населения абашевской общности, а их фактическое развитие фиксируется в абашевско-срубных древностях. То есть весьма самобытна и сама традиция украшения псалиев со вставными шипами. Сказанное не позволяет считать их производными от микенских и дает основание рассматривать время микенских находок как *terminus ante quem* для восточноевропейских псалиев не только с монолитными, но и со вставными шипами. Но на каком-то отрезке бытования они могут быть и синхронны.

Немаловажно и то, что пласт захоронений содержащих дисковидные псалии со вставными шипами, исходя из имеющихся стратиграфических наблюдений, по соотношению комплексов среднедонской катакомбной, доно-волжской абашевской а донской лесостепной срубной культур и

выявленных тенденций их развития занимает достаточно узкий отрезок времени. Изложенное выше позволяет датировать его примерно в рамках XVII — XVI вв. до н. э.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	

Рис. 4. Орнаментальные мотивы восточноевропейских псалиев и костяных изделий связанных с конской упряжью и средствами управления лошадей и их параллели в Греции микенского периода.

Доно-волжская абашевская культура: 1 — Богоявленка, курган, погребение 3; 2 — Кондрашкинский курган, погребение 1; 3 — Староюрьево, курган 2, погребение; 4 — Шиловское поселение; 5 — Пичаево, курган, погребение 1; 6 — Радченское, курган 1, погребение 1; 7 — Иловатка, курган 3, погребение 2; 8 — Красноселка; 9 — Усатово, курган 5, погребение 8. Срубно-абашевские и срубные памятники: 10 — Комарово, курган 5; 11 — Кашпирское, курган 1, погребение 1; 12 — Новопавловка, курган 5 погребение 1; 13 — Пасеково, курган 5, погребение 9; 14 — Ильичевское поселение; 15 — Юбилейное, курган 1, погребение 11; 16 — поселение Усово Озеро. Культура Монтеору: 17 — поселение Сарату-Монтеору; 18 — поселение Ульмени; 19 — поселение Кырломанешты. Микенские параллели восточноевропейских орнаментов: 20 — совпадающие с восточноевропейскими орнаментальными мотивами Греции микенского периода; 21 — орнаменты псалиев из IV шахтовой гробницы Микен.

ЛИТЕРАТУРА

ВИННИКОВ, А. З. — СИНЮК, А. Т. 1990: По дорогам минувших столетий. Воронеж.
ГАЛКИН, Л. Л. 1977: Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья. СА № 3, 189.

- ГЕНИНГ, В. Ф. 1977: Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. СА № 4, 53 — 73.
- КУЗЬМИНА, Е. Е. 1980: Еще раз о дисковидных псалях свразийских степей. КСИА 161, 8 — 21.
- ЛЕСКОВ, А. М. 1964: Древнейшие роговые псаля из Трахтемирова. СА № 1.
- МОИСЕЕВ, Н. Б. 1990: Захоронение колесничего в Пичаевском кургане. In: Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке. Белгород, 56 — 57.
- МОРГУНОВА, Н. Л. — ПОРОХОВА, О. И. 1988: Работы Оренбургского пединститута. Археологические открытия 1986 года. Москва, 186 — 188.
- ОТРОЩЕНКО, В. В. 1986: Костяные детали плеток из погребений срубной культуры. СА № 3.
- ПРЯХИН, А. Д. 1972: Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. СА № 3, 236 — 237.
- ПРЯХИН, А. Д. 1976: Поселения абашевской общности. Воронеж.
- ПРЯХИН, А. Д. 1977: Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- ПРЯХИН, А. Д. — МАТВЕЕВ, Ю. П. 1988: Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 125 — 126.
- ПРЯХИН, А. Д. — ХАЛИКОВ, А. Х. 1986: Абашевская культура. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Москва, 124 — 131, 218 — 226, рис. 59 — 64.
- ТРЕТЬЯКОВ, П. Н. 1961: Абашевская культура. РА LII/2, 374 — 383.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО, Н. Н. 1976: Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы. Энеолит и бронзовый век Украины. Киев. 135 — 150.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО, М. М. 1977: Хронология зрубной культуры Північного Причорномор'я. Археологія. Київ 22, 26 — 33.
- OANCEA, A. 1976: Branches de mors au corps en forme de disque. Thraco-Dacica. Bucuresti, 59 — 75.
- PIGGOT, S. 1983: The earliest wheeled transport from Atlantic coast to Caspian Sea. Thames & Hudson, 91 — 104.
- VIZDAL, J. 1972: Erste bildliche Darstellung eines zweirädigen Wagens vom Ende der mittleren Bronzezeit in der Slowakei. SIA XX 1, 223.